

Подсокольник (2)

Ай, на горах-то, горах, горах было високих,
Ай, што на тех горах было, горах окатистых,
Ай, на окатистых горах было, на увалистых,
Ай, то стояла-ле русска-ле наша за́става.
Ай, во пёрвых стоял да Илья Муромец,
А во вторых или Добрынюша Мекитин млад,
А во тре́йтьх и-то — Олёшинька-ли Попович млад.
Ай, берегли-стерегли ёни стольний Киев-град,
А стояли за веру ле за крещёную,
А стояли за церкви православные,
Ай, стояли за князя ле за Владимира,
А стояли за кнегинушку королевную.
А вставал-то Ильюшенька поутру ранó,
Ай, умывалса Ильюшенька ключевой свежой водой,
А утиралса Ильюшенька полотёнышком.
А надевал сапожки да все козловыя,
А надевал еще Ильюша шубу кúнию,
А застёгивал-ли пуговики все вляшные
(Очень дорогие — как музыка разыгрывают!) —
А стоит шубочка восемьсот рублей,
А пуговок-ли на ей да на три тысячи —
А вставал-то Ильюшенька протів зерькала,
А чесал ле Ильюшенька свою седú голову,
А чёсал свою головушку, да дивился он.
А выходил Ильюшенька на улочку,
А вынимал-то Ильюша он трубочку подзорную,
А смотрел и-то Ильюшенька на все стороны:
А во-первы́х, смотрел в ту стороночку,
Во ту стороночку подзападну —
А видел Ильюшенька стольней Киев-град,
А горят и ле там крыши позолочаны,
А блестят и ле там маковки драгоценныя.
А повернул на тую стороночку полуночну —
А видел Ильюша чудно чúдушко,
А чудо было — чудо-диво дивноё:

А не туман и ле там с моря поднимаетця,
А едет там ле удалой потешаетця,
А впереди-то бежът да ровно два как льва,
А позади ле тут бежат черны́ медведища,
А по бокам бежат серы вóлчища,
А под конём Змея люта извиваетця,
Из речей там ле удалый вышибаетця;
А на правом плече сидит птица кречет,
А на левом плече — соловьюшка,
А в руках держит он паличу,
А не малая палица — восемьсот пудóв,
А под вышиночку ли палицу покидыва́т,
А на подъезде ли палицу подхватыва́т,
Не приворачива́т её на за́ставу ихню бо́гатырскую —
А еде́т там ле удалый в стольней Киев-град.
А заходит и тут старой во бело́й шатёр,
А говорит а ле стары́й да таково́ словó:
«Ах вы ой еси, удалы молодцы,
Уж вы русьски наши бо́гатыри!
Едет там поганый, вышибаетця:
Не приворачива́т на заставу нашу бо́гатырскую,
А едет поганый в стольний Киев-град.
А кого из нас послать за сугонушкой?
А Алёшеньку послать нонеча-то Поповиця —
А Олёшенька ли роду нехорошего:
А загрезит Алёшенька не в свою ровню,
А потеря́т-то Алёшенька свою буйну голову.
А послать лучше́ нам Добрынюшу Микитича:
А Добрынюша роду да был хорошего,
А хорошего-ли роду да бла́городного,
А уме́т Добрынюша съех'т<и>-съихатьця,
А уме́т удаленький всё розъехатьця,
А уме́т-то удалой поклон воздать!»
А срежался Добрынюша скоро-на́скоро,
Он седлал-узда́л коня доброго,
Седлал-узда́л скоро-на́скоро,
Он двенадцать подпруг клал богатырских,
А тринадцатая подпруга не для басы — ради крепости:
А во чистом как ноне поли не оставил конь.

А видели — Добрыня в стремена вступил,
А видели Добрынюшу — на коня скочил,
А не видели ли поездочки богатырскаей,
А только видели: в чистом полюшки куревá стоит,
А и куревá стоит — да пыль столбом валит.
А еще бьёт ли он коня по тучным ребрам —
А под им карюшка рассержаетця,
А от земли от матушки ён отделяетця,
А скачёт и ли карюшка по семи как вёрст,
А высокие горюшки перскакивāt,
А мелки как речки промеж ног берёт.
А подъезжает [к] Подсокольницьку-наездницьку,
А закричал и ле Добрынюшка во всю голову:
«Ах, ты ой ли ты, удалый добрый молодец!
А ты куда ле там едешь, куда путь дёржишь,
Не приворачивāшь и ли на заставу нашу богатырскую?»
А едёт Подсокольничёк — цёлом не бьёт.
А повторяёт Добрынюша во второй након,
А повторяет Добрынюша во третей након:
«А ты куда там, ворона ле, куда машешься,
А ты куда там, ворона ле, куда путь дёржишь,
Не приворачивāшь ли на заставу нашу богатырскую?»
А поворачивал Подсокольничёк да всё добра коня,
А закричал Подсокольничёк да по-звериному,
А засвистел Подсокольничёк да по-соловьинному,
А зашипел Подсокольничёк да по-змеинному —
А Добрынюшин конь да нонече на бок пал
От того ли крику от богатырского,
От того ли по́свисту соловьиного!
Подъезжает Подсокольничёк к Добрынюшки,
А подъезжает Подсокольничёк скоро-на́скоро,
Снимает у Добрынюши подштаницки,
А давāt Добрынюши всё потяпыши,
А ещё прибавил по алабышу.
А поставил Добрынюшу на резвы ногі,
А говорил-то Добрынюши, всё наказывал:
«А я заеду, удалый, в стольний Киев-град,
А Божьи как церкви да я всё под дым спущу,
А мелку как силу я под меч согну,

А князя Владимира — глаза выколю,
А княгину Апраксию — за себя возьму,
А старшего казакá — старшим конюхо́м,
А тебя ле, Добрынюшу, — чашки-ложки мыть,
А Олешеньку ли Поповиця — подносицьком!»
А садил Добрынюша на добра коня,
А поехал Добрынюша не по-старому,
А поехал Добрынюша не по-прежнему,
А едва ле Добрынюша на кони сидит.
А подъезжал ле Добрынюша к белу́ шатру,
А встречает Ильюша нонеце Муромец:
«А ты ой еси, Добрынюша Микитич млад!
Что же, ты Добрыня, едешь нонеча не по-старому,
А ты, Добрыня, едешь не по-прежнему?»
А говорил Добрынюша таковы́ слова:
«А не моя ровня́ — да не моя четá,
А не по мое плецё добрый молодец!
А вскричал поганый не по-доброму,
А вскричал поганый по-звериному,
А зашипел поганый по-змеиному,
А засвистал поганый по-соловьиному —
А у меня ле ноне конь нынче на́ бок пал
А от того ле крику от богатырьского.
А подъезжает Подсокольник скоро-на́скоро,
А снимаў поганый у меня подштаничка,
А даваў поганый мне потяпышу,
А еще прибавил по алабушу,
А поставил ле меня он на резвы́ ногі.
А говорил Подсокольник да наказывал:
„А я заеду, Подсокольник, в стольний Киев-град,
А Божьи церкви все под дым спущу,
А мелкую силу всю на меч согну,
А князя ли Владимира — глаза выколю,
А кнегину Апраксию — за сабя возьму,
А старшого казакá — старшим конюхом,
А тебя ли, Добрынюшу, — чашки-ложки мыть,
А Олешеньку Поповиця — да всё подносицьком!”»
А загорелось у старого ретивó серьчэ,
А расходилися все плеченьки могучие,

Закипела кровь горячая,
Заходили глаза нынче с искрами.
«А некому старому нонеча замениться!»
А седлал удалый коня доброго,
А седлал удалый скоро-на́скоро,
А седлал удалый скоро-наскоро:
Двенадцать подпруг клал богатырских,
А тринадцатая подпруга как не для ба́сы,
А не ради ба́сы — а ради крепости.
Скакал на коня скоро-на́скоро:
«А не успеете, братцы, вы котлы согреть,
А привезу поганого буйну голову!»
А видели старого — в стремяна ступил,
А видели старого — на коня скочил,
А не видели поездочки богатырское,
А только вид’ли: в чистом полюшке курева́ стоит,
А курева́ ли стоит да пыль столбом валит.
Еще и бьёт ён коня по тучным ребра́м —
А под им ли нонь карюшко рассержаетця,
А от земли от матушки отделяетця:
А скачёт ле карюшко по семи как вёрст,
А высоки горушки перескакива́т,
А глубоки как речки промеж ног берёт.
А подъезжает к Подсокольнику скоро-на́скоро,
А закричал старый во всю голову:
«Ай ты ой еси, удалый добрый молодец!
А ты какого роду-племени,
А ты какого отца-матери,
Ты куда едешь, куда путь держи́шь,
А не приворачиваешь на за́ставу богатырскую?»
А поворачивал Подсокольник всё добра́ коня́,
А закричал и Подсокольник да по-звериному,
А зашипел и Подсокольник да по-змеиному,
А заревел Подсокольник да по-соловьинному —
А старого конь на колени пал
От то́го ле от крику бо́гатырского.
А соскакивал старый всё с добра́ коня́,
А бил ли коня ён по тучным ребра́м,
А он бил коня да приговаривал:

«Ах, ты конь, мой конь — да травяной мешок!
А не слышал ли ты в поле соловьиного пóсвиста,
А не слышал ле ты в поле воронья карканья?»
А скочил он, старый, скоро-на́скоро,
А бьёт он всё по тучным ребра́м —
А под им карюшко россержаетця.
А съехались удалы добры молодцы,
А съехались они да поздоровкались,
А съехались они — опять разъехались.
А грозит всё старый вострым копьём.
А съехались они на вóстры сабельки,
А сабельки ли у их да пощербалисе,
А по носад(ы)кам сабли изломалисе —
А друг ле ноне дружку не ранили.
А бросили сабельки на сыру́ землю,
А съехалиси они — опять разъехались.
А съехались они на вострых копеечках,
А на те и копеички бурзамецкии.
А копеички у них развихалися,
А по носад(ы)кам копеички изломалисе —
А друг ле ноне дружку всё не ранили.
А бросали копейца на сыру́ землю,
А съехались они на паличи,
А палицы у них загорелисе —
А друг ле ноне дружку всё не ранили.
А соскакивали удалы да всё с добрых коней,
А схватилиси удалы всё в охабочку,
А по-мужицки они, по-деревенски же,
А бились и боролись да ноне три часика.
А у старого ногá лёва подвигнуласи,
А пра́ва ногá ле окатиласе —
А падал старой да на сыру́ землю.
А скочил Подсокольник на белы́ грудí,
А рвал его латы-па́нзыри,
А вымал ножище — да всё кинжалищё,
А хочёт пороть да всё белы́ грудí,
А ладил смотреть да ретивó серьцо́.
А взмолился ноне старый да всем угодникам:
«А я стоял за веру за крещёную,

А я стоял за церкви православныи,
А писала Божья Мать да прописаласе —
А выдали поганому на изгилянье-тёрзанье!»
А слышит старый — силы прибыло,
А прибыло силушки наполовинушку.
А стрелял Подсокольника в белы́ груді́ —
А вылетал Подсокольник да под вышиночку,
А выше лесу вылетал да всё он стоячего,
А ниже облачка ён да ходячего:
А упал Подсокольник да на сы́ру землю́.
А соскакивал старый да на белы́ груді́,
А вымал да ножище-кинжалище,
А хочет у его пороть белы́ груді́,
А ладил смотреть да ретиво́ серцо́.
А остоялася рука его по плечикам,
А говорил ли еще ста́рый таковы́ слово́:
«Ах ты го́й еси, удалой доброй ты ведь молодец!
Да ты какого, да какого роду-племени,
Да ты какого отца, коей матушки?»
А говорил Подсокольник да таковы́ слова́:
«А кабы был я на белых грудях —
Я не спрашивал ни роду, ни племени,
Я не спрашивал ли отца да твоей матушки.
А пори у меня все белы́ груді́,
А смотри у меня ты ретиво́ серцо́!»
А замахнулсэ ли старой во второй након —
А остояласе рука ле по завоины.
А спросил еще старой во второй након:
«Ты скажи ли, удалой доброй молодец,
Да ты какого роду, какого племени,
А ты какого отца ле, коей матушки?» —
«Я кабы был у тебя на белых грудях —
Я не спрашивал ни роду да я ни племени,
Я не спрашивал ли отца, ни твоей матушки.
А пори мне скорей белы́ груді́,
А смотри ли у миня ты ретиво́ серцо́!»
А замахнулсэ ноне старой во третьей након:
«А ты скажи ли, удалый, да поведай же,
А ты какого роду, какого племени,

А ты какого отца, коей матушки?» —
«А я от морюшка от Студёного,
А от той бабушки от Златыгорки,
А как буду ей всё родной как сын».
А брал ноне старый за белы руки,
А ставил старый на резвы ноги,
Целовал в уста сахарныи,
Говорил Подсокольницку таковы слова:
«А чей корень — той и отростень,
А будешь мне-ка ноне ты родной как сын!
А поедем, удалый, в стольный Киев-град,
А прими ты веру всё крещёную,
А не будет нам ли на свете поединщицька,
А сделает нам князь да великолепной пир!»
А говорил Подсокольник таковы слово:
«А и ты, Ильюша ты Муромец!
Ты спусти ты меня на родину,
Ко своей ли мамушки престарой,
А я спрошу у своей мамушки,
А расспрошу, ей поведаю!»
А посадил старый на добра коня,
А поклонилса Подсокольничек да старому.
А поехал Подсокольник не по-старому, не по-прежнему,
А совсем ли на коне сидит истрёпан[н]ый.
А поехал Подсокольник скоро-наскоро,
А подъезжает Подсокольник ко своей мамушки.
А завидела мамушка во чистом поли:
«Ох, ты ой еси, дитятко моё рожоное!
Ты наехал в поле на старого —
В поле смерть старому не писана!»
А говорил Подсокольник таковы слова:
«А тебя зовет, мать, б<лядь>ю, меня выб<лядко>м».
А схватил Подсокольник да ноне востро копьё,
А притиснул ноне мати белы груди,
А придавил матушку ко сырой земле —
А взвилась мати под вострым копьём,
А кровь горячая у её да побежала же,
А говорила мати таковы слова:
«А какову я крови чашу пью — и тебе такову же пить!»

Заколот он мати скоро-на́скоро,
А поехал Сокольник в старый путь.
А наехал Подсокольник он на за́ставу,
А на за́ставу да на богатырскую:
А и спит-то старой он крепки́м-то сном.
«А заколю старого сонно́го я!»
Поехал Подсокольник скоро-на́скоро.
А ша́рнул он старого в белы́ груды́...
А было у старого чуден крест,
А крест был да позолочен[н]ый,
А не малый крест — полтора́ пуда,
А угодило копеичко в чуден крест.
А скочил старый да скоро-на́скоро,
А схватил Подсокольника за желты́ кудры́,
А вытащил Подсокольника из белá шатра́,
А наступил Подсокольничку на резвы́ но́ги,
А розорвал Подсокольника на три части нонь,
А рассвистал Подсокольника по чисту́ полю́...
А тут и Подсокольнику славы́ поют.

*(Зап. А. М. Астаховой 21 июня 1928 г.: д. Лебская Лешуконского р-на — от
Гольчикова Якова Евдокимовича, 61 года.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.